

Николай Полотнянко

**КАК ХОРОШО,
ЧТО ЖИЗНЬ
ПРОШЛА**

ББК 84(2Рос=Рус)
П525

Полотнянко Н.А.
П525 Как хорошо, что жизнь прошла.
Стихотворения / Н.А. Полотнянко. –
Ульяновск: Издатель Качалин
Александр Васильевич, 2017. – 144 с.

В авторской редакции.
Компьютерный набор Л.И.Полотнянко

На первой стр. обложки рисунок Н. Гончаровой.

В книгу включены стихотворения, которые были написаны в 2016 году. Их предваряет небольшое предисловие, которое рекомендуется прочесть каждому, кто хочет знать о поэзии чуть больше, чем знал до сих пор.

Часть тиража, так же как и часть предыдущих книг, изданных автором, безвозмездно передана в библиотеки г. Ульяновска.

© Полотнянко Н.А., 2017

Николай Полотнянко

**Как хорошо,
что жизнь
прошла**

Ульяновск
2017

Есть час мечты

*Бывает час, как будто обескрылив,
Я чувствую: не трогают меня
Ни зов звезды, ни трепет нежных лилий,
Ни прошлые, ни наши времена.*

*Мне кажется, что всё давно известно,
Измерена вся даль и высота.
И дни влачатся тускло, бесполезно,
Пока их вдруг не оживит мечта,*

*Что заживём по совести мы снова.
Никто не будет в горе позабыт.
И правды поэтическое слово
Российские потёмки озарит.*

*И мощно воспарит из Божьей бездны,
Дух Пушкина в поэте наших дней.
И с высоты прозрения надзвездной
Он явит слово Родине своей*

*О Боге, о державе и народе,
Уставших от насилия и смут.
И все в очеловеченной свободе,
Пусть ненадолго, счастье обретут.*

Предназначение русского Поэта

Поэтическое пространство Русского мира всё ещё достаточно обширно, количество явленных при помощи интернета поэтов за последние годы заметно возросло, однако следует признать, что влияние поэзии, в первую очередь современной, на духовную жизнь народа, по сравнению с серединой прошлого века, явно ослабело. Тому много причин, но мы коснёмся не их, а сути поэтического творчества — предназначения Поэта, которое самым непосредственным образом связано с духовной жизнью народа, возникшей одновременно с обретения им родного праязыка.

В те времена предназначением Поэтов было возделывание изначальных пластов духовной культуры. Они были жерновами, которые перемололи глыбы славянского праязыка в плавную, наполненную смыслами и музыкальными оттенками живую речь, запечатленную в устном народном творчестве, этой первой книге Библии русского народа. В дописьменные баснословные времена Поэт был духовным наставником народа, который, мужая в трудах и сражениях, стал ощущать себя таким, каким он есть, через поэзию, дававшую каждому человеку представление о богах, космогонии, жизненном пространстве, истории народа и его героях. Никто другой как Поэты внушили народу, задолго до появления

христианства, понятие справедливости для всех, которая до сих пор является опорным стержнем русской цивилизации, пережившей за времена своего существования и татаро-монгольское иго, и Смуту, и народные мятежи.

Эти катастрофические события, к счастью, не ожесточили душу народа, и русский Дух, воскресший в героических деяниях Петра Великого, прорвался через велеречивое косноязычие пиитов 17-го века и прозвучал в творениях Александра Сергеевича Пушкина как исполнение им своего божественного предназначения. И каких бы тем наш гений ни касался в сказках, поэмах, романах в стихах и прозе, лирических и патриотических стихотворениях — все они приобретали русский смысл и звучание, то есть были раскрыты и объяснены поэтом с русским пониманием имеющейся в них проблематики. И Пушкин был первым, кто осознанно заговорил о русском Духе как о неборимой духоподъёмной мощи народа, выразившейся в грандиозных свершениях на поле брани и в созидательном труде по обустройству отечества.

Этому пушкинскому предназначению следовал Ф. Тютчев, печально сказавший спустя всего лишь четырнадцать лет после смерти Пушкина: «Не плоть, а дух растлился в наши дни...». Но что тогда может сказать о русском Духе поэт начала 21-го века, когда почти всё русское изгнано из коренной среды его обитания — культуры, чему свидетельство проведённый на государственном уровне Год безымянной культуры — 2014?

От русского духа отреклись почти все, с ещё большей поспешностью, чем от социализма. Но свято место пусто не бывает, и меня не покидает предчувствие скорого явления русского поэта державного масштаба:

...И прозвучит спасительное слово
Любви и правды и утешит нас.

Оно соткётся из крупинок света
И ярко вспыхнет письменами звёзд.
Я всей душой предчувствую Поэта,
Что над Россией встанет в полный рост

Как отраженье божьего сиянья;
И падших, нас, услышит, и узрит,
И чаянья народа, и страданья
Глаголом милосердным утолит.

(Предчувствие Поэта)

Но эти чаянья пришествия Поэта-Освободителя не снимают с ныне живущих поэтов обязанности жить и трудиться согласно с самым высоким предназначением, которое впервые было высказано Николаем Васильевичем Гоголем: **«Так оно и быть должно: на то и призвание (предназначение Н.П.) поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же вернуть нам в очищенном и лучшем виде. Всё показывало в Пушкине, что он на то был рождён и к тому стремился»** (Н.В. Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», М. Советская Россия, 1990. с.251).

Несёт ли в себе современная русская поэзия смысл пушкинского предназначения?.. Увы, он из неё выветрился, только иногда можно ещё расслышать его жалкие отголоски в творчестве тех немногих поэтов, которые не страшатся назвать себя русскими. На слуху ныне русскоязычные литераторы. У них давно сложилось антипушкинское понимание и исполнение своего предназначения. ***Эти лже-поэты берут нас и нас же возвращают нам в загрязнённом и похабном виде.*** Они уже изрядно потрудились на своём позорном поприще, заражая пренебрежительным отвращением к русской классике гуманитарные кафедры вузов, редакции литературных журналов и СМИ, педагогов, издателей и миллионы простодушных и доверчивых читателей.

В условиях духовного упадка народа современное предназначение русского поэта состоит в очеловечивании людей, расчеловеченных (обездушенных) русскоязычной литературой, и в одушевлении их русской литературной классикой и современными художественными произведениями, продолжающими пушкинские традиции.

Исполняющий своё предназначение русский поэт должен осознавать:

Что всё великое рождается в покое...
Лишь праздная душа беременна стихом.
И красота божественная в нём
Преображает мёртвое в живое.

(Поэзия)

Во все времена народ в гораздо большей степени, чем религией, очеловечивался поэзией. Но они не противоречили друг другу: религия указывала на врата в Новую жизнь, а поэзия открывала человеку Красоту, которая «преображает мёртвое в живое», и сегодня спасает Русский мир от хаоса, привнесённого в душу человека современной лжелитературой. Об этом же говорит в одной из своих критических работ Светлана Замлелова: «Подобно тому, как труд монаха направлен — в идеале — на очищения своего богоподобия от мирской шелухи, так и труд художника может быть рассмотрен как освобождение гармонии от оков хаоса». (...Ибо абсурдно. М. Буки Веди. 2013. с.24.) Если знать, что гармония есть форма Красоты, то становится понятным, что религия и поэзия, каждая по-своему, привносят в мир падших гармонию, то есть очеловечивают его, созидают в человеке готовность вступить на крестный путь Спасения.

В России национальный Поэт начинается с осознания им бесспорной истины, что его Я гораздо меньше и незначительнее той силы, которая наполняет его могуществом живописать словами, что где-то вне его существует источник Красоты, от прикосновения к которому он начинает испытывать то восторг, то ужас. Но поначалу Поэт не может выразить свои чувства языком поэзии, поскольку его душа ещё не насытилась самородным веществом творчества, не завершила самовоспитание, чтобы явить шедевр классического уровня. И пройдёт ещё немало времени, прежде чем к Поэту придёт

понимание, что он творит не по наитию, а по внушению своего предназначения. И время от времени опустошаемая душа вновь требует своего насыщения животворящими силами, которые пронизывают плоть стиха по всем направлениям и в зримом для читателя виде остаются запечатлёнными в словах, при соприкосновении с которыми душа каждого человека начинает оживать и освобождаться от коросты бесчувствия.

В мировоззрении русского Поэта главенствующее значение всегда должна иметь Россия как один из неиссякаемых источников лиризма. «При одном этом имени как-то вдруг просветляется взгляд у нашего поэта, — говорит Гоголь, — раздвигается дальше его кругозор, всё становится у него шире, и он сам как бы облекается величием, становясь превыше обыкновенного человека. Это что-то более, нежели обыкновенная любовь к отечеству. Любовь к отечеству отозвалась бы приторным хвастаньем. Доказательством тому наши так называемые квасные патриоты: после их похвал, впрочем, довольно чистосердечных, только плюнешь на Россию. Между тем заговорит Державин о России — слышишь в себе неестественную силу и как бы сам дышишь величием России».

Русскому поэту надо видеть Россию, понимать, предвидеть её судьбу всегда в «состоянии духовной трезвости», особенно сейчас, в безвременье, когда она лишена своей идеологии (русской культуры). И прежде, чем пророчествовать о судьбе России, поэт

должен твёрдо представлять себе, в какой точке временных координат она находится.

Какая грусть поэтом быть заката
Страны и унижения святынь!
Следы необратимого распада
Видны на всём, куда свой взгляд ни кинь.
Давным-давно мы тлеем — не горим.
И жаркие мечты о вольности чуть живы.
Иссякли благородные порывы.
Мы слову чести верность не храним

В нас пушкинского так ничтожно мало.
Он был от солнца, мы — от полутьмы.
Наш порох отсырел, и нет запала,
И цели нет, куда б стремились мы.
Но Пушкин с нами. На исток дорог
Он возвращает Русь в пророческом прозреньё.
Пока с народом здравый смысл и Бог,
То есть всегда надежда на Спасенье.

(Судьба России)

Немота

Я музыку не слышу и страшусь,
Что навсегда лишился мир гармонии.
И я мечтой к звезде не вознесусь,
Она сама находится в агонии.

То вспыхнет, то погаснет. И вокруг
Одна лишь тьма и немота пространства,
В ней сгинули республики и царства,
Герои и народы. Умер звук.

Ни fuga Баха, ни Гомера речь
Мне немому Вселенной не озвучат.
И мою душу будет вечно мучить
Глагол, которым я не смог зажечь

Сердца людей. И он на полпути
Остался полыхать в моей груди.

* * *

Опять пришла весна в Поволжье.
Лес научился говорить.
И листья шепчут, что я должен
За это песней заплатить.

И пусть не так легко и щедро,
Как соловей или скворец,
Но стать на миг дыханьем ветра,
Коснуться радостью сердец.

Немного в жизни счастья, света,
Никто своих не знает дней,
Но есть призванье у поэта —
Очеловечивать людей.

Надежда

Я рад, что вновь
С тобой встречаю осень,
Мой отчий край,
В берёзовых колках.
Здесь так легко,
И листьев спелый отсвет
Румянцем рдеет
На моих щеках.

Верхи берёз
Слегка колышет ветер,
А понизу тепло
Исходит от земли.
И день насквозь прозрачен,
Чист и светел.
И где-то в вышине
Курлычут журавли,

Как дорого душе
Тревожное прощанье с ними!
За журавлями вслед
Она стремится ввысь.
И прошептав с надеждой
Божье имя,
Я не молю, открыть мне
Жизни смысл.

Я видел много раз
Расцвет и увяданье
Земли, где всё
Проходит день за днём.
Давно пришло ко мне
Простое пониманье,
Что на Земле
Мы раз всего живём.

Чем дальше жизнь продолжится
Не знаем.
Но верим:
Всё пребудет, как сейчас.
И поколениям новым
Оставляем —
Надежду,
Что всегда спасала нас.

Надежду,
Что не кончатся ни время,
Ни воздух, коим дышим,
Ни вода.
И будет на Земле
Людское племя
Любить и враждовать,
Как в наши дни — всегда.

Мы с вами разошлись на тридцать лет

Мы с вами разошлись на тридцать лет,
Хотя идём всегда одной дорогой.
И наши души ранены тревогой,
Что меркнет красота, скудеет свет,
И все мы погружаемся в потёмки,
Где жизни нет, и умерла мечта.

Земле не избежать вселенской ломки.
И станет вновь она «...безвидна и пуста»,
Пока не возродится Богом-Словом,
Чтоб повториться в сотворенье новом.

Вновь солнечная вспыхнет колесница.
На новый круг пойдёт счисленье лет.
И к людям возвратится Божий свет.
И красота очеловечит лица.

Но наша встреча вряд ли состоится:
Мы с вами разошлись на тридцать лет.

Гамлет

Я как-то после третьей школьной смены
Спешил домой под звёздами. Мороз
Щипал меня за щёки и за нос.
И в лунном свете шли за мною тени
Плетней и вмёрзших в лёд кривых берёз.

Перепугался я почти до слёз,
Но радио включили возле клуба.
Чтоб дрожь унять, я крепко стиснул зубы.
И слышал крики, речи, хохот — сквозь
Мерзлоту воздушного пространства.
Давали «Гамлета» для граждан государства,
Что, подустав от праведных трудов,
Вкушали чай на кухнях сёл и городов.

— Быть иль не быть? — послышалось.
И снова
Меня объял мой первобытный страх
От жути, с коей сказанное слово
Души коснулось...
Будто чей-то прах,
С ветвей берёзы иней осыпался.
И этот миг во мне навек остался.

Играла музыка в саду

Играла музыка в саду,
Луна светила.
Скажи мне: где, в каком году
Всё это было?

Скажи, чего не насулил
Мир нам в начале?
О, как я мало сохранил
Надежд в печали.

Я потерял событий нить
Средь суесловья.
И мне тебя не вернуть
Из тьмы безмолвья.

Никто не даст мне тайных сил
Стать снова юным.
Венчально-белый снег накрыл
Наш час безумный.

И ты молчишь, и над тобой
Лишь холод вечный.
Ты в нём сияешь молодой
Звездой млечной.

Где были мы, в каком году
Мечтали страстно?
Играла музыка в саду
Светло и ясно.

Калита

Шумит Москва торговая весь день.
Лишь только встали реки от мороза,
Как потянулись конные обозы
Из дальних и соседних деревень.

В кулях рогожных рожь, в бочонках мёд,
Холст, рыба, репа, ягоды, пушнина,
Птиц битых вороха, живой рогатый скот –
Всё перемелет торжища пучина.

Там странники прохожие поют,
Там всхлип рожков и бубнов дробный грохот.
Потешат расчестной московский люд
Побасками и пляской скоморохи.

В торговых взбаламученных рядах
Шныряют воры, нищие, собаки.
И на степных мохнатых лошадях
В Москву въезжают ханские баскаки.

— Ордынцы едут! Снова маята,
Изб не избавишь от кумысной вони!..
И стольный князь Московский Калита
Перед мурзой склоняется в поклоне.

С ним ест и пьёт. Отсчитывает дань.
Смеётся над своим же униженьем.
Ещё тверда монгольских ханов длань,
И в ней ярлык великого княженья.

Загадка

Берёза на высоком берегу
Дрожит листвою.
Вокруг снуют синицы.
Она как будто встала на бегу,
Раздумывая, стоит ли топиться.

Всю жизнь она живёт на сквозняке,
Движенья почвы чувствуя корнями.
И тянется вершиной и ветвями,
Всем существом, к стремительной реке.

В речной поток, что сотрясает брег,
Ей суждено обрушиться и сгинуть.
У каждого живого есть свой век.
И всем придёт пора его покинуть.

И в этом все мы, смертные, равны.
Нет в вечности ни первых, ни последних.
Не стоит верить в сладостные бредни
Про некий рай — бессмысленны они.

И верный раб поэзии своей,
Я прожил век, одной загадкой мучась:
Чем я честней берёзы, иль мудрей,
Чтоб требовать себе другую участь?

Когда Господь...

Когда Господь обожил Словом глину,
В ней сотворив подобие своё,
Он человеку указал вершину
И в путь его направил на неё.

Но мало тех, кто, зная свою долю,
Ей следует в божественную высь.
Не веруя в обещанную волю,
Мы выбираем суетную жизнь.

И можно всю её прожить, не зная,
Что высота с тобой на этаже.
Не в Альпах и не в Гималаях,
А в каждой человеческой душе.

Чужое горе так прилипчиво

Весь день погода переменчива:
То дождик вихрем пронесёт,
То глянет солнышко застенчиво,
Всем улыбнётся и уйдёт.

Звеня, прошёл трамвай по улице,
И отстоялась тишина.
Кот на прохожих хмуро жмурится
Из растворённого окна.

Из тощей тучки дождь закапал.
И, не найдя покой в вине,
По-детски жалко друг заплакал
По год как умершей жене.

Она была красивой, гордою,
И он её не укротил.
Любил всегда и даже мёртвую
В душе измученной хранил.

Чужое горе так прилипчиво,
Что я поник, затосковал.
И, не имея горя личного,
Ему я тихо сострадал.

Любовь, что друга изувечила,
Была подобна палачу.
Сказать ему мне просто нечего,
Курю, вздыхаю, и молчу.

Но чтоб душа его воспрянула,
И поднялась из мрака ввысь,
С улыбкой солнце в окна глянуло
На человеческую жизнь.

Иртыш

Уходят вдаль судьбы моей года,
Как волны за старинным пароходом.
Иртыш, Иртыш! Пьянит твоя вода
Теченьем быстрым и водоворотом.

Я отражённым вижу в ней себя,
В воде, чуть желтоватой, быстротечной.
Иртыш, с тобою связана судьба
Воспоминаньем юности беспечной.

Я покидал Усть-Шиш, своих друзей,
Где летом у ребят была одна забава —
На самодельную блесну ловить язей
И бегать взапуски по брёвнам лесосплава.

Взбивают плицы водяную гладь.
Гудок. И началось судьбы движенье.
Течение пароход толкает вспять,
Но, вздрагивая весь от напряженья,

Он, одолев реки тугой напор,
Против воды идёт на силе пара.
На берегах шумит дремучий бор.
И через сутки нас встречает Тара.

Стоянка три часа. И наш таёжный люд
Глазеет с палубы, как, напрягая спины,
Матросы друг за другом в трюм несут
Углём наполненные ящики, корзины.

Кипящим паром плещутся котлы.
Заряжены углём, пылают топки.
Я, обойдя мешки, коробки и узлы,
В котельный трюм заглядываю робко.

Там сумрачно. Свистел кипящий пар.
Я замер, но ещё не испугался.
Вдруг грозно на меня прикрикнул кочегар.
И я на пароходный нос стремглав умчался.

Взрываясь брызгами, форштевень разрезал
Течение реки, мутил и пенил воду.
И нехотя Иртыш сдавался, уступал
Просторную дорогу пароходу.

Кричали чайки, поднимаясь ввысь,
Под майским солнцем гладь воды сияла.
И под водой кипела рыба жизнь.
И над водой земная ликовала.

Я эти дни запомнил навсегда,
Хотя они всё дальше с каждым годом.
Иртыш, Иртыш! Пьянит твоя вода
Теченьем быстрым и водоворотом.

Сырыми пахло неводами

Ты помнишь, счастье было с нами?
Как эти годы далеки.
Сырыми пахло неводами
На берегу большой реки.

Она сияла лунным светом.
В ней отражалась россыпь звёзд.
Тогда я мнил себя поэтом,
Хотя и не был им всерьёз.

Меня влекли, меня томили
Мечты о чём-то неземном.
Какими светлыми мы были
В своём неведенье святом.

Наивно верили, что в жизни
Всё будет нашим и для нас.
Через полвека, как на тризне,
Мы вспоминаем дивный час

Любви и молодости нашей,
О том, что было и прошло,
О счастье, где-то запропавшем,
Мы судим просто и тепло.

И до сих пор бывшее с нами,
Хоть годы счастья далеки.
Сырыми пахло неводами
На берегу большой реки.

Прощание с плащом

Прощай, мой плащ, прощай, мой дорогой!
Не знаю даже, что мне взять на память?
Три пуговицы?.. Хватит и одной,
Я положу её в копилку с медяками,
Пусть будет там как рубль костяной.

Ты десять лет был верным другом мне,
Защитником от сырости надёжным,
Хранилищем ключей и портмоне,
Тобою приходилось укрываться мне,
Как одеялом, в холоде дорожном.

За жизнь со мной ты много повидал
Людей из власти и обычных граждан.
Где только ни висел, кого ни обнимал,
Мне по тебе давал оценку каждый:
Продажный я поэт иль непродажный.

Ты знаешь сам, за эти десять лет
В твоих карманов много сигарет
И стеклотары с водкой побывало.
Теперь я трезвенник. Что было, то пропало.
Прими прощальный от меня привет.

Сдаю тебя в утиль, пока мой друг, пока...
Сдаю ещё подшивку «Огонька»
И ельцинских речей четыре тома,
Чтобы купить пакетик молока
И, клюшкой стуча, дойти до дома.

Сурки и орлан

Седые стрелы ковыля...
И жёстче конского копыта,
Сухая в трещинах земля
Ходами-норами изрыта.

Подобно столбику стоит
Сурок дозорный на кургане.
Он — то вокруг себя глядит,
То взгляд задержит на орлане.

И хищник зорко смотрит вниз.
Чтоб выбрать жертву по наитью.
Вдруг раздаётся внятный свист —
И мигом все зверьки в укрытии.

Торопят спрятаться сурчат
От жира пышные сурчихи,
Сурки валяжные спешат...
Все в норах скрылись и притихли.

Орлан взмывает резко вверх,
К оставшимся от тучи клочьям.
И долго кружит без помех
Над поселением сурочьим.

Ему, конечно, невдомёк,
Что там внизу в бурьян забился,
От смерти спрятался сурок.
Он жив, но мёртвым притворился.

Заката огненный расплав
Павлина перьями играет.
И, ветер крыльями поймав,
Орлан полёт свой продолжает.

Беглец

Море волнуется, плещет прибой.
Грустно и даже уныло порой...
Парус вдали промелькнул голубой,
Душу мою оживил он мечтой.

Сразу подумалось: кто это там
Рыщет на чёлне один по волнам?
Может от нашей неправды беглец
Ищет в пучине свой смертный конец?

Берег турецкий не дорог ему.
Хочет уйти он в глубинную тьму,
Гордо там реет Андреевский флаг,
Крым на державных стоит якорях.

Он обретёт всех погибших друзей,
Кто за Россию встал грудью своей.
Но был злодейски и подло убит.
И рядом теперь с якорями стоит.

Вижу я, чёлн заливает вода.
Нас покидает герой навсегда.
Волны сияют, как свежий свинец.
В вечность уходит неправды беглец.

Море волнуется, плещет прибой.
Грустно и даже уныло порой...
Парус вдали промелькнул голубой,
Душу мою оживил он мечтой.

Пристань

Людмиле

Светла любовь у тех на склоне лет,
Кто сберегал в себе её полвека
Среди всегда неумолимых бед
Как будущую пристань человека,
От коей он отчалит на тот свет.

Я расставаться с миром не спешу.
Хоть много раз он брал меня на мушку,
Я жив, что удивляет многих, и хожу,
За стенку не держась, по этажу,
Поглядывая на свою подружку.

Как трогает меня её счастливый вид,
Когда она, причёсывая внучку,
Ей ласково на ухо говорит,
Что купит в пенсионную полочку,
Но та её не слушает, дерзит.

Жена ко мне подходит и руки
Касается легко: «Ты помнишь, милый,
Что обещал мне написать стихи?..»
— Я их пишу, но не про то, что было,
Ведь было и немало чепухи.

Смотрю в окно. Крепки порывы ветра,
В осеннем парке буйный листоlet.
Когда-нибудь и наш черед придёт.
На пристани наш скорбный чёлн из кедра,
И перевозчик терпеливо ждёт.

Грибы

Светлане Замлековой

В дверь на рассвете постучали:
— Вставайте, сони! В лес пора!
Без нас грибы давно собрали,
А мы толчёмся у двора.

Задами. Полею. Быстрым шагом
Идём в неблизкий старый лес,
Отряхивающийся, как собака,
С корзинами наперевес.

И растянувшись цепью редкой,
Чтоб все грибы забрать в полон,
Глазами шарим, где под веткой,
Иль под кустом таится Он —

Великий Гриб России белый
И крепконогий, и дебелий,
На толстой шляпке тёмный верх —
Мечта грибных ищеек всех.

Мне скоро случай улыбнулся.
Идя под пологом лесным,
Я об него чуть не запнулся
И встал, как вкопанный, пред ним.

Мне первый раз далась удача.
И чтоб её не потерять,
Я поспешил и бойко начал
Свою корзину наполнять.

Волнушки, рыжики, маслята,
Боровики и валуи,
Сырые грузди и опята
В объятя бросились мои.

Они гурьбой ко мне бежали,
Маршировали вдоль тропы...
Вдруг, как отрезало, пропали,
Как в землю сгинули грибы.

Я с облегченьем распрямился.
Но где я, толком не пойму.
Ходил кругами, заблудился...
И закричал: Ау!.. Ау!..

В ответ ни звука. Только ветер
Шумел в берёзовых ветвях.
И вдруг меня ознобный страх
Объял, что я один на свете.

Что кто-то взял да и унёс
Меня от тёток и от мамы.
Я верил искренне, всерьёз,
Что леший вёл меня кругами,

Чтоб я дорогу позабыл,
Откуда в лес я заходил
С ватагой вместе за грибами.

Тут я от ужаса поник
И заревел почти, когда
Вблизи раздался мамин крик:
— Ты где?..
— Я здесь!
— Иди сюда!

Спешу на крик, ору, свищу,
Стирая с глаз пустые слёзы.
Корзину полную ташу,
Ей задевая о берёзы.

Я рад спасенью своему
От неожиданного страха.
Прилипла к телу моему
Насквозь промокшая рубаха.
— Да ты, удачливый грибник, —
Мне говорит с улыбкой мама.
А я, как проглотил язык,
Стою и хлопаю глазами.

Во мне ещё клубится страх,
И леший чудится повсюду...
Но радость в маминых глазах
Я никогда не позабуду.

Послание Юрию Говорову

Года идут, года гнетут,
Всё крепче нас объемлет старость.
Болячки колют, ноют, жгут,
Но в нас с тобой ещё осталась,
Дружище Юрий, жажда жить,
И не убить её лекарством.
Наш юный пыл не усмирить
Докучным пенсионным барством.

Ты тот же, что при первой встрече —
Колючий, пылкий, озорной,
Умом недюжинным отмечен,
Но в то же время и простой
Мужик тамбовский, в мненьях дерзкий,
Трудом поднявшийся с колен,
Ты на своей стезе судейской
Взошёл на высшую ступень.

Но не утратил простодушной
Любви и верности стихам.
Таких, как ты, незримо Пушкин
Приподнимает к небесам.

Петру Ищенко

Ты помнишь, Пётр, наш вечно юный Омск,
Где были мы людьми советской веры?
И брали в образцы высокие примеры.
Они давно растаяли, как воск,

Который вновь застыл. И годы написали,
Когда всё успокоилось, срослось,
На нём слова задумчивой печали,
Про то, что в нашей жизни не сбылось.

Мы встретились с тобой накоротке,
Когда полвека жизни пролетело.
Она держала нас на поводке,
Но мы с него срывались, то и дело.

Где не носило нас?.. Но возвратились мы
К тому, что есть для человека вечно.
И как учёностью не застили умы,
Опять пришли к Тому, что бесконечно,

Непознаваемо, но дорого, как счастье,
Любой спасенья страждущей душе.
К Тому, кто на последнем вираже
Нас примет с всепрощающим участием.

Веснянка

День догорал.
И прямо над верхушкой
Берёзы, словно птенчик из гнезда,
Таращилась вечерняя звезда.
И где-то вдалеке
Без просьб моих кукушка
Отмеривала щедро мне года.

Не думал, не гадал я, что тогда
С Веснянкой встречусь не в чудесном сне,
А наяву в вечерней тишине...

И вот она явилась предо мною
Зелёноглазая с распущенной косою,
Как яблоневый цвет воздушна и чиста,
И разомкнула ласково уста:

— Я молодость верну тебе до завтрашнего дня,
Коль выпьешь сок берёзовый до дна...

И подала берестяную чару.
Я выпил сок. Меня обдало жаром.
Рассудок и померк, и помутился.
И побежали годы жизни вспять,
Пока я вновь в лесу не очутился,
Уже не стариком, а молодым опять.

Стою и в сердце чувствую отвагу,
А в теле — мощный переизбыток сил.
И пью сочащуюся из берёзы влагу,
Что поступает из подземных жил,
Вприпадку, будто женщину целую
Взасос, чтоб выпить всю её до дна,
Сладчайший мёд любовного вина.

— Мне больно, отпусти меня, живую!

Берёза вырвалась, и, ветками махая,
Вдруг побежала в чашу от меня,
Серёжки на упругий дёрн роняя.
За ней я гнался по лесу, как лось
Во время гона, всё вокруг ломая.
Но никого догнать не удалось —
Ни молодость, ни юную вакханку,
Что так была похожа на Веснянку.

Я с дёрна поднял опустевший туес
И прикрепил к берёзе. Жизни сок
Не оскудел, и живчиком, волнуясь,
По капле истекал в мой туесок.

К утру он будет полон. Спозаранку
Я с наслажденьем вновь прильну к нему.
И, может, в этот раз заполоню Веснянку,
И мне она вернёт мою весну.

Ведь всё так просто

Ведь всё так просто: лес и поле,
И нищета сорочьих гнёзд.
А вот, поди ж ты, заневолит,
Заворожит почти до слёз.

В России утро или вечер?
Куда ведёт судьбы тропа?..
Сквозняк задул в соборе свечи.
Молчат священные гроба.

Причин для радости немного.
Но жив надеждой русский бог,
Хоть колесована дорога
В град Китеж вдоль и поперёк.

И я не прячу чувств под маской.
Насмешек жалких не боюсь,
Что до сих пор осталась сказкой
Про счастье будущая Русь.

И пусть всегда такою будет,
Чтоб было что любить, беречь.
Мечту народа не остудит
Ничья предательская речь.

Он знает сам, где быль, где небыль,
Где жизнь, где вечный упокой.
Он головой упёрся в небо,
И держит тяжкий свод земной.

Апрель

Апреля светлая пора...
Недавно, чуть ли не вчера,
Метель кружилась во дворе,
А нынче в звонком серебре
Блестают, убраны, карнизы,
И снег источен до земли
Капелью острою, и снизу
Из-под сугробов проросли
Потоки, силу набирая,
Перевиваясь и сверкая
Веселым радужным огнём.
И все довольны тёплым днём.

Просторно стало и светло...
Снег, словно битое стекло,
Блестит под солнышком.
В овраге
Шумит и пенится вода.
Скворец в безудержной отваге
Поёт о том, что навсегда
Он будет рыцарем скворчихе.
И в птичьей радостной шумихе
Проходит день...

И ночь тепла.
Встаёт луна. Она светла,
И всю округу освещает.
Воды всё больше прибывает.
На речке ледяной затор,
Уже к калиткам подступает
Вода — растёт её напор.
Спешат спасатели с взрывчаткой,
Спускают в лунки шнур с закладкой.
Цепь сильных взрывов пробегают
По льдинам вздыбленным, и вот —
Открыт реке свободный ход.
Напор воды ослабевает,
Но шорох льдин не утихает...

Светлане Замлеловой

Искусство стало плоским и пустым.
В нём правят бал творцы словесной чуши.
Но вы затронули изяществом своим
Мою взыскующую идеала душу.

Всё, что выходит из-под вашего пера,
Наполнено разумным совершенством.
Вы знаете, что творчество — игра.
Ваш гений часто склонен к чародействам,

Где смыслы сплетены в затейливую вязь,
И в узелках сокрыты ваши тайны.
Я не надеюсь, что постигну вас,
Но наша встреча явно не случайна.

Вы в мастерстве изящны — это ваш
Рассудка танец на обрыве бездны,
Полёт над тьмой, таинственный мираж,
И прозы обаяние прелестной.

Нелёгкая вам выпала стезя.
Не в моде ныне искренние чувства.
И только правде, чистой, как слеза,
Угодны вы возвышенным искусством.

Мировой театр

Господь мог навсегда развеять тьму
И уничтожить зло, искоренить измену.
Он их не уничтожил потому,
Что человек не знал бы свету цену,
Не ведая о тьме,
И цену доброте — не зная зла.

Так создана была двоичность бытия.
До человека очередь дошла,
Когда свой монолог эдемская змея
Произнесла библейскому Адаму,
На плод грехопаденья указав.

И у Адама вспыхнул огонь в глазах.
Пал занавес невинности. И драму
Добра и зла всё человечество ломает
Пред ликом Господа
Уже семь с половиной тысяч лет.
Всего в ней поровну: и радостей, и бед.

Но только Он исход конечный знает.

Свидетельствую

Свидетельствую — так оно и есть,
Что отношенья плёвое к работе
Привычным стало. Честный труд не в моде.
В чести лакейство, в униженье — честь.

Мы склонны без причин привычно врать,
Подсиживать друг друга, презирать
Отечество, базлатъ по-скотски «Вау!»,
И пачкать грязью душу и державу.

В нас пало то, что свято в людях есть,
Унижено, опошлено, убито,
Растоптано — откуда эта месть
Самих к себе по всем, кто жив, разлита?..

Такое ощущение, что во лжи
Давно мы все, от старца до младенца,
Поражены отсутствием души,
Воистину больны «*пороком*» сердца.

Я сам других не лучше: я такой же.
Бывает, что враньём испорчу лист,
И вечером раскаиваюсь: «Боже!
Прости меня, я завтра буду чист».

Довольный покаянием смиренно
Ложусь на правый бок в свою кровать.
Но и во сне я буду непременно,
Коль надо, изворачиваться, врать.

Обская губа

Лежу под звёздами Сибири.
Постель моя во льдах, во мхах,
И Ледовитый — в головах,
И нет длинней меня и шире.

Всё лето я в делах была:
И днём и ночью неустанно
Буксиры, танкеры несла
И в океан, и с океана.

Но лето коротко моё,
Хотя оно бывает дивным.
Опять берутся за своё
Туманы, мороси и ливни.

Погоду мерзкую кляня,
Прощаюсь осенью с гусями,
И засыпаю с кораблями
Что вмёрзли до весны в меня.

Жизнь покидает берега.
Полярный холод скалит зубы
Сияньем на речные губы,
На мхи и жёсткие снега.

Традиция

Цветы поэзии не вянут
В словесных дебрях чепухи.
Кому-нибудь рассветом станут
Мои закатные стихи.

Они от подлой рабской дрожи
Его избавят навсегда.
Он свой талант на них умножит
Десятилетиями труда.

Цветы поэзии не вянут
В словесных дебрях чепухи.
Кому-нибудь рассветом станут
Его закатные стихи.

Портрет

Забудь её, мне говорит рассудок.
Но как забыть, когда всегда я с ней
Пред вечностью в любое время суток,
С поэзией единственной моей.

Она владеет мной почти полвека
И к подвигу мой смертный дух зовёт,
Когда вдруг зазвучит во мне, как эхо
С неведомых космических высот.

Но я не слышал этот зов сначала
В потёмках поселкового угла.
И красота стихов меня смущала,
Тем, что пугала и к себе влекла.

И вот однажды мне открылось чудо.
Когда погас дневной над миром свет,
Вдруг предо мной возник из ниоткуда
Прелестной женщины загадочный портрет.

Он был написан не рабочей кистью
Художника, но ангельским перстом
И воплощённой Рафаэлем мыслью
О Красоте, что в облике земном

Явила мне небесное в портрете
И звёздное — в мерцающих очах,
Изящное — в туманном силуэте,
Гармонию — во всех её чертах

Как эталон прекрасного поэту,
Что должен знать он в творчестве своём.
Я захотел приблизиться к портрету,
Но вспыхнул он стремительным огнём.

И трепеща, что гибнет образ милый,
Всем существом рванулся я к нему.
Но Красота, пылая, уходила
От человека навсегда во тьму.

Так есть она, иль нет Европы?

Ковыль от ветра сух и включен.
Течёт живой янтарь стрекоз.
В бездонном небе реет кобчик
И видит всё вокруг насквозь.

Даль неоглядна. Ветер свищет.
И в небо смерч встаёт столбом.
Что мы с тобою в поле ищем,
Всегда безлюдном и пустом?

И лишь намёком, что когда-то
Здесь был племён былинных шлях,
Курган виднеется покатый,
Хранящий богатырский прах.

Здесь шли бесчисленные толпы —
Арийцев диких племена.
Завоеватели Европы,
Чьи сохранились имена

В названьях стран, что есть и ныне,
Откуда к нам приходит ночь.
Но нет героев там в помине,
Давно уж их иссякла мощь.

И дух иссяк. Одрябли крылья.
Пред лже-Христом все пали ниц.
И толерантной веет гнилью
Из славных некогда столиц.

Так есть она, иль нет Европы?
Ответ на это будет дан,
Когда свои натопчут тропы
К ней беглецы из знойных стран.

Когда в Европу хлынут орды
И захлестнёт её поток,
Что будет с ней, слепой и гордой,
Которой стал не нужен Бог?..

Петровки

Жара. Июль. И все в упад пьяны,
Крещённые и атеисты вместе.
Петровский праздник. У моей родни
Накрытый стол: и пей, и ешь, хоть тресни!

Мой дядя Ваня, друг любой гульбы,
Встречает брагой каждый день воскресный.
Из патефонной вычурной трубы
Несутся вопли разудалой песни.

И гости ей притопывают в лад,
На тяжеленных сидя табуретах.
И подпевают. Каждый жизни рад,
Неплохо им живётся при Советах.

Я ручку патефонную кручу,
Чтоб не ослабла до конца пружина.
Припев со всеми весело кричу,
Ведь я уже почти совсем мужчина.

Вдруг дядя Ваня за столом привстал,
Меня широким жестом подзывает.
И брагу в алюминиевый бокал
Мне щедрою рукою наливает.

Он пьян. И тешит душеньку свою
Тем, что достатком пред роднёй кичится.
И я, не отрываясь, брагу пью,
Как сладкую молочную водицу.

И все довольны храбростью моей,
И каждый чем-нибудь да угощает.
Я опьянел, не узнаю людей,
Меня мутит и в стороны качает.

Я убегаю к речке напрямик.
Мне жарко. Я надумал охладиться.
Меня от верной смерти спас мужик,
Не дал мне мой спаситель утопиться.

И я давно бы отбыл на тот свет.
И не было б моей житейской саги —
Что я пишу восьмой десяток лет.
Всё зачеркнула б кружка пьяной браги.

Смерть заглянула отроку в глаза,
Огня поэзии узрела трепетанье,
Услышала поэтов голоса.
И душу мне вернула на страданье.

Нет, я не одинок

Нет, я не одинок, когда со мною Гений.
И он всегда мне строго говорит,
Что суть всех поэтических творений
Сокрыта в правде, что сама горит.

И насыщает души человечьи
Сияньем истины небесной красоты.
И в каждом падшем зажигает свечи,
Чтоб он прозрел средь полной темноты.

Мы сами мрак творим и повсечасно
От лености ума, и веры в давний бред,
Что в мире всё устроено прекрасно,
И тьма вокруг не тьма, а чёрный свет.

И наша слепота дана нам как награда,
Чтоб обрести и счастье, и покой.
Про то, что выше тьмы, нам знать не надо,
И правда не нужна для жизни неживой.

Но для поэта царь — его суровый Гений.
И он не шепчет, а почти кричит,
Что суть всех поэтических творений
Сокрыта в правде, что сама горит.

Лишь от неё стыд вспыхивает жаром.
И совесть начинает душу жечь.
Поэзия должна пылать пожаром,
Чтобы от тьмы Россию уберечь.

Песня бомжа

Холодно, братики, голодно...
Солнце одно, и всем не согреться.
Что толку, что жилось когда-то молодо,
Старость явилась — и некуда деться.

Был молодым — позвала меня воля,
Запах тайги и Камчатки туманы...
И понесло меня, «перекати-поле»,
Из Подмосковья до Магадана.

Жизнь промелькнула без всякого толку,
И в оправданье сказать даже нечего.
Впору завывать, как голодному волку,
Под звёздную крышей лунного вечера.

Может быть, кто-нибудь мне отзовется,
Кто, как и я, четверть века бичует,
И тоже по-волчьи воем зайдётся
Про то, как всю жизнь по России кочует.

Может быть завтра, я сгину под снегом.
Добрые люди, прошу, не корите.
Просто скажите: «Он был человеком».
Перекреститесь и, молча, пройдите.

Холодно, братики, голодно...
Солнце одно, и всем не согреться.
Что толку, что жилось когда-то молодо,
Старость явилась — и некуда деться.

Вы — это я

Вы — это я, чья трудная дорога,
Блуждания среди чувств пустых и слов
Почти закончились, когда по воле Бога
Я встретил вас как чистую любовь.

И тот огонь, что мне она внушила,
И чудо красоты, что ощутил от вас,
Передаю и нежностью, и силой
Своим стихам, что я пишу сейчас

На пышном насте выпавшего снега,
Что стает вмиг под солнцем молодым.
Мы много потеряли за полвека,
Что было для души всегда святым.

Наш стыд остыл, и вслед померкла совесть.
И душу зло пронзило без помех.
Утраты сердца нам давно не новость,
Они для нас предмет лихих потех.

Где правят люди с совестью пропащей,
Ни красоте, ни правде места нет.
И потому мне дорог исходящий
От вас очеловечивающий свет.

Вы — это я, чья трудная дорога,
Блуждания средь чувств пустых и слов
Почти закончились, когда по воле Бога
Я встретил вас как чистую любовь.

Проклятье князя Святослава

Он первый русский князь и воин.
«Иду на вы!» — его девиз.
Народной славы удостоен
За то, что в чистом поле вдрызг

Разбил хазарских иудеев,
От дани Русь освободил.
Но пал от происков злодеев
Могучий муж в расцвете сил.

Его судьба не сохранила
Царьграду гордому на страх.
И печенежская пронзила
Стрела в бескрайних ковылях.

И я во мгле веков увидел
В Царьграде зарево огня,
Когда он, словно древний идол,
На брег Днепра упал с коня.

Его языческие боги
Бессильны были в этот миг.
Ревели, как орда, пороги,
Но превозмог их грозный крик.

Клянясь перуновой десницей,
Пред громовержцем на виду,
Князь всем коварным византийцам
Пророчил ужас и беду.

Но что проклятья человека
Второму Риму, хоть он князь?
И вот прошло четыре века —
И пал Царьград. Но и сейчас,

Хоть полумесяца держава
Владеет градом и царит,
Над ним проклятье Святослава
Мечом дамокловым висит.

Как хорошо, что жизнь прошла

Ещё один уходит день.
И ночь уйдёт. Слабеет тело.
Умом овладевает лень,
Но жить, ничуть не надоело.

Как хорошо, что жизнь прошла,
И всё пустое унесла,
Оставив лишь стихи и волю.
Подобна скошенному полю
Душа. В ней ни добра, ни зла.

Осталась только жажда слова —
Всем людям нужного, простого.
К нему уже две тыщи лет
Взывают падшие народы.
Но не рождён ещё поэт,
Что все пройдёт огни и воды,
И вслух его произнесёт,
И мир оно перевернёт.

Но это Божеское Слово
Не для людских греховных уст.
Я плоти раб и не гожусь
В учителя или пророки.
Я праха горсточка в итоге.

Но для народа своего
В душе всегда имею слово.
Оно всегда взойти готово,
Хоть я не сеял ничего.
Был занят этим русский гений,
Соратник пушкинских прозрений,
А я лишь вымолвлю его.

И в одночасье всё сожгли

Откуда Русь — из тьмы иль света?
Увы, на это нет ответа.
В каких неведомых краях
Она свершила первый шаг
В семью народов?..

Неизвестно.

Давно пора признаться честно:
Своих начал мы не найдём,
Да и зачем в потёмках рыться?
Нам, с ограниченным умом,
Во мглу веков не погрузиться.

Напрасно в вымыслах пустых
Мы Русь утраченную ищем.
Она давно вся на кладбищах,
Где есть места для всех живых.

Да, мы освоили пространство,
Создали царство-государство,
И в одночасье всё сожгли.
И вновь воздвигли, возвели
Страну-мечту...

И вновь сожгли.
Теперь виним, клянём за это,
Но не себя, а всех других.
Уже прошло России лето,
И, не найдя начал своих,
Вступила в пору увяданья
Держава, но её народ
Не позабыл свои мечтанья:
Он ими грезит и живёт,
Что справедливость обретёт.

Надолго ли?..

Никто не знает:
Ни бог, ни царь и не герой.
Скорей всего он сам ломает,
Свою мечту, своей рукой.

Давно пора проститься с детством
Народу. И пора начать
Жить не одним лишь только сердцем,
Но и рассудку слово дать.

Пионы

В степи предрассветной зябкость потёмок,
Травы живые и мёртвый бурьян.
Нежный рассвет — золотой жеребёнок
Голову поднял, обнюхал туман.

Степная долина пионов накрыта
Сумраком утра, похожим на дым.
Привстал жеребёнок, ударил копытом
В землю — лучом золотым!

Вспыхнуло утро. Радостным звоном
Встретили птицы над степью рассвет.
Вспыхнули заревом красным пионы,
Травы окрасились в радужный цвет.

Розовой стала тумана полоска,
Порозовела вокруг тишина.
Толпой окружили пионы берёзку
И тихо зарделась от счастья она.

Что ей, зелёной сиротке, примнилось
Утречком яркого майского дня?
Зашелестела листвой, распрямилась,
Словно сейчас только встала от сна.

Красного цвета охапки пионов
Кто расстелил у её белых ног?..
Невдалеке, молодой и влюблённый,
Тихо пошумливал кроной дубок.

Радостно было ему, что берёзка
Празднично встретила майский рассвет,
И красоте её чистой, неброской
Был очень кстати пионовый цвет.

Ночь

Низко склонились деревья
Над тёмной водой.
Жаркое солнце
В потёмках вечерних потухло.
Месяц взошёл
Вслед за первой звездой.
В дальней деревне
Собака пролаяла глухо.

Серым туманом растёкся
По лугу прибрежному сон,
Чтобы никто не спугнул
Тишину-недотрогу.
Царственно ночь заняла
Свой алмазами блещущий трон
И простёрла над миром
Расшитую звёздами тогу.

Обрело всё живое под ней
И уют, и покой,
И спасенье от страха

Стать чьей-нибудь жертвой.
И поэта душа
Поднялась над уснувшей Землёй,
Чтоб с царицею тьмы
Пошептать о доле бессмертной.

Свою звёздную руку простёрла
Над ней государыня ночь,
Позволяя насытиться
Тьмой мироздания и светом,
И придать
Безвоздушную лёгкость, и мощь,
И величие русским стихам,
Сотворённым безвестным поэтом.

Дабы от них огневыми зарницами
Вспыхнула тьма
И на Землю просыпалась
Ярким дождём звездопада.
И взлетели стихи,
На двух крыльях — души и ума,
И наполнили жизнь
Просветлённой гармонией лада.

Мечта поэта

Чем дальше жизнь, тем более пуста.
Всё чаще в ней не встречи, а прощанья.
Блажен поэт, когда его мечта
Земные обретает очертанья.

Он счастлив тем, что слышит иногда
Тишайший звук любовного напева.
И видится ему в преклонные года
Средь виноградных лоз нагая дева.

Он, устыдившись, гонит её прочь,
Но голос сердца тихо возражает:
— Кончина, неизбежная, как ночь,
Химерами твой ум переполняет.

Тебя грызёт неистребимый страх
Пасть в бездну пустоты, где нет спасенья.
Твоя душа, запутавшись в грехах,
Отчаявшись, уже не ждёт спасенья.

Но Божьим гением тебе дана мечта,
Чтоб заслонить собой все ужасы кончины.
С тобою до конца пребудет красота,
Чтоб скрасить с жизнью грустные простины.

Цветы полей

Цветы полей, красавцы и красавицы,
Обжившие глухие дальние места,
Вас некому сорвать, вам некому понравиться,
Скажите, для чего вам красота?

Вы не берёзы, что на ветер ропщут
И плещут нежной зеленью листвы,
И не трава, которую все топчут...
И всё же, для кого цветёте вы?

В своём цветении вы трепетно безмолвны,
И мне милы небесной чистотой,
Что омывает человечесью душу, словно
Родник, водой наполненный живой.

Жаль коротко у нас в России лето.
Снега и вьюги землю заметут.
Я тоже, как и вы, не ведаю ответа,
Зачем иль для чего все смертные живут.

Голос крови

Когда мелькнёт во мгле багровой
Звезда как зов твоей судьбе,
Пойми, что это голос крови
Напоминает о себе.

К тебе взывают предки, чтобы
Ты не забыл своих начал.
И их натоптаные тропы
К суровой правде продолжал.

Держаться русским надо вместе,
Когда пробьёт наш грозный час.
И голос крови — голос чести
Соединит в народ всех нас.

Держаться русским вместе надо
Во имя правды и любви.
Ведь вся державность Кремль-града
На русской зиждется крови.

Александр Блок

Течение времени то прямо, то кругами
Влекло его — то к счастью, то к беде.
Роскошный сад стихов к Прекрасной Даме
Есть дивный гимн предвечной красоте.

И веку Пушкина венок любви прощальной,
И дань поэта неземной любви,
И обретенье мудрости печальной,
Что век его на грязи и крови.

Ему не удалась, но не прошла бесследно
Попытка оживить священный идеал.
И образ Красоты, божественно бессмертной,
В его стихах над жизнью воссиял.

Он свято верил в чудо воскресенья,
Но от Христа отрёкся новый век.
И русский бунт стал не крестом спасенья,
А плахой справедливости для всех.

Его портреты зябки и темны,
В глазах зияют дали ледяные.
Поэт воспел крушение страны,
И умер вместе с пушкинской Россией.

О русском языке заговорили

О русском языке заговорили
На уровне державном, но забыли,
Что рассуждать сначала не о нём
Нам надо, но о самом коренном,
Что есть в России — о народе русском,
Затем о языке его, и письменном, и устном.

Какая жизнь — таков и наш язык.
Коль нестроений в обществе немало,
И высшего нет в жизни идеала,
Кроме бабла и лозунгов пустых,
То такова и речь: и на письме, и устно
Мы говорим лукаво и безвкусно.

Жизнь опошлела, и язык стал пошл.
Загажены тропинки к покаянью.
И человек, от шляпы до подошв,
Как грязевой вулкан, набит словесной дрянью.
Которую не вытрясешь всю в раз.
И это надо видеть без прикрас.

Ни что так не грязнит язык, как ложь.
Бессильны перед ней законы и указы.
И только правда, острая, как нож,
Язык очистит от любой заразы.

Все формы и все смыслы бытия

Все формы и все смыслы бытия
Есть образцы законченного дела.
Но эволюции эдемская змея,
Не ведает в развитии предела.

И по науке якобы возник
Мой предок от какой-то обезьяны.
Выходит, что Господь наш мир воздвиг,
Не избежав ошибок и изъянов?..

Что в чём-то выше Бога человек,
А если взять земное, то и лучше?..
Прогресс наглел, и в двадцать первый век,
Явился, подчинив умы и души.

Рассматривая мир как механизм,
Во всем ища конкретные начала,
Он позабыл, что появилась жизнь,
Когда Господне Слово прозвучало.

Что всё, в мгновенье созданное Им,
Превыше человеческого знания.
И Слово между мёртвым и живым
Есть вечная основа мироздания.

В России рядом и жара, и холод

Февраль. Жилище продувает ветер,
И бродят сквозняки по этажу.
Хочу согреться, и стихи о лете,
В оконце глядя на зиму, пишу.

В них солнце раскалённое пылает
Над морем, что прибоем бьётся в мол.
И девушки весёлые играют
Мячом упругим в пляжный волейбол.

Они зовут меня, но я не слышу:
Мне жарко, душно, заливает пот...
Но я пишу стихи, и ясно вижу,
Как вдоль по улице метелица метёт.

И солнце занавешено снегами,
Сыпучими и жёсткими в мороз.
Печь горяча, и пахнет пирогами
В избе, где я в далёком детстве рос.

В России рядом и жара, и холод.
Я их всегда легко переносил.
Был счастлив тем, что и здоров, и молод,
И жадно жил, и время торопил.

Но всё идёт к концу на этом свете,
И тенью побродив по этажу,
Хочу согреться и стихи о лете,
В оконце глядя на зиму, пишу.

Над курганом в Диком поле

Над курганом в Диком поле
Еле рассвело.
Много здесь мужей за волю
В битве полегло.

В сердце ломится тревога,
Чувствую беду.
Я к обочине дороги
Сердцем припаду.

Слышу — движется с Востока
Камнепад копыт.
Поднимается из лога
Солнца красный щит.

Вижу — всадник выезжает,
Лошадь горяча.
Солнце, солнце — поднимает
Лезвием меча.

Одевает князьки рати
В латы медных зорь.
И вздымает как распятые
Боевой топор.

Вот и выпали с росой
(Боже, помоги!)
И взыграли над землёю
Красные круги.

Ой, идёт лихое горе,
Чёрная беда!
Половодьем в Диком поле
Катится Орда.

Много было всего

Много было всего, но порошами
Занесло мои дни и пути.
В отчий дом, одинокий и брошенный,
Мне уже никогда не прийти.

Где он был, там дорога проезжая.
Если еду по ней, то всегда
Вспоминается жизнь моя прежняя,
Промелькнувшие мимо года.

Не осталось ни дома, ни дерева
От вишнёвого сада за ним.
Пусто так, что уже и не верится,
Что когда-то я был молодым.

И смотрел я в глаза людям смело.
И встречал с ненаглядной зарю...
— Вот и жизнь моя вся пролетела, —
С тихой горечью я говорю.

И во мне, как в заброшенном доме,
Уж никто не раздует огня.
Только снится, как шорох в соломе,
Нежный смех, волновавший меня.

Улыбка смертного

Как хорошо лежать в гробу
И улыбаться проходящим,
Испив до капельки судьбу,
Покончив счёты с настоящим.

И, уходя к мирам иным,
Забыв о всём земном и зыбком,
Оставить навсегда живым
Свою прощальную улыбку.

Живите, люди, не ругаясь,
Что жизни кончилось вино.
И умирайте, улыбаясь,
Другого нет и не дано.

В гости к ёжикам

Началось в России лето
С умыванья дождиком.
Отдыхать поедет Света
К прошлогодним ёжикам.

Где-то там, в лесу густом,
Колкие зверушки
Дрыхнут в листьях под кустом,
Хоть пали из пушки.

Только ворон молодой
Смог их докричаться:
— Просыпайтесь, кто живой,
С гостюшкой встречаться!

Соскочили поскорей
Ёжики с постели.
На иголки меж ушей
Листики надели.

Отыскал ёж белый гриб,
Всех белей на свете,
Что под листьями хранил
Как подарок Свете.

На показ и на погляд,
Чистеньких и тихих,
Привела своих ежат
Мамочка ежика.

Брызги солнца на росе
Просияли ярко.
Собрались у ели все,
Принесли подарки.

Дятел весело стучит.
Топают ботиночки.
Света радостно бежит
По лесной тропиночке.

Ей свободно и легко
У лесного боженьки.
Где вы, милые мои,
Дорогие ежики!..

Русский лес

О чём шумишь, ты, русский лес,
Под евразийскими ветрами,
Касаясь кронами небес,
И почву вглубь пронзив корнями?

Ты был для русских верх и низ
Вселенной лиственной и хвойной.
И ты сберёг народу жизнь
Для сечи памяти достойной.

Твоя дремучая судьба
Полна торжественных преданий.
Россия вышла из тебя
На Куликово поле брани.

Ты шумом яростным воспел
Бессмертный подвиг Пересвета.
К народу, что свой страх презрел,
Явились грозная Победа.

За нею вышла на простор
Россия в блеске ратной славы.
Премного было войн с тех пор
В самостоянии державы.

И лес всегда был крепостной
Народа русского защитой.
Он и сейчас стоит стеной
Вокруг Москвы, как перед битвой.

Чёрная смерть

Всё полынь, да ковыль, да полынь...
То жара, то морозная стынь.
Ветер хлынет — и пыль закружится.
Из песков азиатских равнин
Время чёрному мору явиться.

Зреют в норах бубоны чумы.
Как орда, ниоткуда из тьмы
Мор идёт в европейские страны.
Кверху брюхом лежат тарбаганы.

Час живому настал — умереть.
На дорогах гниющие трупы.
И кочевничьи хриплые трубы
Возгласили про чёрную смерть.

Впереди мора крысы идут.
Ими взят астраханский редут.
Миллионы хвостатой пехоты
Смерть и ужас в Россию несут,
Чтоб её обезлюдет народы.

Крысы лавой идут на Москву,
Переносчики чёрного мора.
И чума косит люд, как траву,
Не щадя никого, без разбора.

Зимой в степи был джуг: снега и льды
Сковались в наст, что не пробить копытом.
И вымерло в Ногае пол-орды
В году давно беспамятно забытом.

А в град Симбирск,
Чуть кончилась зима,
И жаром из степи едва дохнуло,
На спинах крыс бубонная чума
Тайком вползла, минуя караулы.

На Троицу был жаркий ясный день.
Ни облачка на небе не сияло.
Вдруг чёрная стремительная тень
Над городом внезапно пробежала.

На паперти юродивый взвопил
И наземь опрокинулся в падучей.
Лишь он один в мелькнувшей чёрной туче
Ту всадницу с косой, что смерть, узрил.

И всех вокруг объял ознобный страх,
Предчувствие недоброго начала.
Чума пришла в Симбирск, и на костях
Всё лето и всю осень пировала.

Белеет парус

Премного лет как знак Спасенья вещей
Белеет парус в море голубом.
И каждый день на острове пустом,
Его завидев, человек трепещет
От радости, что помнит Бог о нём,
Что вот оно — желанное спасенье...

Но надо плыть до лодки самому,
Одолевая волн столпотворенье.
И страх, что цели не достичь ему,
Что море поглотит его во тьму,
Колеблет веру в Богочеловека.
Он то хулит его, то тянется к нему...

Мы все такие, Господи, от века.

Степь да степь...

Степь да степь промеж Днепром и Доном
Широко легла.
В мутном небе, зноем раскалённом,
Бьются два орла.

Два орла, единокровных брата,
Два орла-слепца.
От восхода бьются до заката,
Бою нет конца.

Рвут когтями, клювом, бьют крылами,
Грудью — в грудь.
Степь горит, и вновь бушует пламя
Воскрешённых смут.

Что их так внезапно ослепило
И толкнуло в бой?
Знает правду лишь Саур-Могила,
Да ковыль степной.

Далеко вокруг слышен злобный клёкот
Раненных орлов.
Застилают нивы смрад и копоть,
Братьев кровь.

Там, где кровь вражды на всех прольётся,
Жизнь пойдёт на слом.
Треснет степь и больше не срастётся
С Доном и Днестром.

Что там горит окном?

Что там горит окном:
То ли закат, то ли дом?..
Иль догорает эпоха,
Забывшая Правду и Бога?

Чему я свидетель?..
Кому
Поведать о том, что вершится?
Быть может, уходит во тьму
Россия, чтоб в ней раствориться?..

Иль зреет в её глубине
Святая мечта возрожденья?..
Но что-то не слышатся мне
Толчки, колебанья, движенья.

Российский застыл материк.
Нет в жизни надежды и роста.
Тяжка революций короста,
В коросте и ум, и язык.

Так что там горит окном?
То ли закат, то ли дом?..
Иль догорает эпоха,
Забывшая Правду и Бога?

В саду осеннем

В саду плывёт туман как дым,
От палых листьев горьковатый.
И всё, что мы в душе таим,
Обнажено и ждёт расплаты.

Как много их, в копилке слёз,
Обид, невыплаканных болей,
Надежд несбывшихся и грёз,
И зла, и страхов, и неволи...

Весь этот рой гудит, гнетёт,
Над бездной сотрясает душу.
И своего лишь часа ждёт,
Чтоб с воплем вырваться наружу.

Не дай, Господь, когда умом
Распорядится эта сила:
Кому-то сразу «жёлтый дом»,
Кому — тюрьма, кому — могила.

В саду плывёт туман как дым.
Всё больше тьмы, всё меньше света.
В душе такое мы таим,
Что лучше не тревожить это.

Вы для меня, как были невидимкой

Вы для меня, как были невидимкой,
Так и остались...
Ведь на чудных снимках,
Которые вчера прислали вы,
Есть лес и луг в роскошестве травы,
И грустная скамья, и доски на причале,
Где вы рассвет валдайский привечали...

Но, вглядываясь в снимки, я едва ли
Найду в них ваш мне столь желанный след
Забывтой книгой, тенью силуэта...
Безжизненны, увы, все вымыслы поэта,
Когда на фотографии вас нет.

Соловей

Был старый Новый год, и ради шутки я,
Чтоб оживить, хоть чем-то
Праздник-перестарок,
Вам преподнёс живого соловья.
И вместе с ним
Не позабыл в подарок

Вложить и ветку, на которой пел
И бойкие откалывал коленца,
Похожий на воробышка пострел,
Чьё пенье очищает ум и сердце.

Сейчас, увы, опошлена любовь.
Но соловьи за это не в ответе.
Предпочитая визги воробьёв,
Их пения не слушают поэты.

Есть у меня миниатюрный томик

Есть у меня миниатюрный томик
Семи французских лириков.
Изящная вещица. Тонкий вкус
Присутствует во всём: и на обложке
Кувшинки разбросал сам Клод Моне,
И в переводах бережных... Во всём
Я вижу *школу классики*, которой
Уже давно мы все пренебрегли,
И ляпаем стихи, как штукатурку,
И потому всё сыплется вокруг:
И вкус, и разум наш, и совесть.

Была у народа мечта

Была у народа мечта
О счастье всеобщем и равном
В своём общежитие державном.
Сегодня народ — сирота,
Обманутый в самом заглавном.

Он счастье приблизить мечтал
И к воле душою стремился.
Россию горбом поднимал,
В боях за неё погибал,
Безвинно в темницах страдал —
И вдруг в дураках очутился.

Была у народа мечта
Как Правды святая иконка.
Была она в людях чиста,
Подобно слезинке ребёнка.

Оса

Знойный июль.

Воскресенье.

Когда закипело варенье,

В окно залетела оса.

Её я гонял полчаса:

То вверх уходила она

Зигзагообразным движением,

То вниз...

От варенья пьяна,

На смерть шла, чумная от страсти

Упасть на кипящие сласти.

Но я полотенцем махнул

И спас сладкоежку.

Упала

На блюдце с вареньем она,

Наелась его до отвала,

Свалилась на крышку стола,

Не в силах взлететь, поползла...

Почуяв в душе непогоду

По нраву мне ветер весёлый,
Хоть хмарна река и темна.
На плиты бетонного мола
С разбега взлетает волна.

Почуяв в душе непогоду,
Я Волгой спасаюсь давно.
Ступени уходят под воду
На скользкое топкое дно.

От берега крепкую сдачу
В упор получает волна.
Я верил когда-то в удачу,
Но где-то пропала она.

Схожу я по скользким ступеням
Всё ближе и ближе к воде.
В прибое, вскипающем, пенном,
Стою на последней черте.

Поэта судьба скоротечна.
Всё времени смоеет волна.
И только поэзия вечна,
Поскольку от правды она.

Чуть-чуть

Привычка есть у нас к «чуть-чуть».
Чуть-чуть грешим, чуть-чуть нам стыдно,
Что не противимся вранью,
Чуть-чуть за родину обидно,
За то, что отдана вору.
И воровству конца не видно.

За счастьем шли...
Прошли чуть-чуть,
Но не понравилась дорога.
Решили сдать назад чуть-чуть,
Завязли так, что не вздохнуть,
И потеряли Правду-Бога.

А это русской жизни суть.

И как её назад вернуть,
Хотя б не всю, хотя б чуть-чуть?..

А Русь всё так же...

Пришёл парнишка из села в столицу,
Первопрестольный златоверхий град.
За пазухой, как пёрышко жар-птицы,
Принёс стихов заветную тетрадь.

В глазах озёрных ожиданье чуда
Поэзии в хрустальном терему.
Эстеты, разомлевшие от блуда,
Рукоплескали, нехотя, ему.

Скандалами отравленная слава
Сжигала душу, словно кокаин.
Поэзии похмельная отравка —
Пришла известность, но он был один.

И в нём не угасал таланта пламень.
Стихи вскипали половодьем чувств.
В них пела, обливаясь кровью, Русь,
Что в гору волокла Сизифов камень

Марксизма-ленинизма... Он сорвался,
Как паровой каток, давя народ,
Всех превращая в безымянный сброд.
Эксперимент, увы, не состоялся.

Остыло многое, но стих не остудить.
Он плещется волной людского моря:
«А Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора...»

Поле Божие

Земля есть поле Божие, где Он
Возделывает род людской с любовью.
От допотопных и до сих времён
Его и жнёт, и засекает новью.

Неведома нам Господа страда,
Как и судьба людского урожая.
Уходят поколения навсегда
В минувшее, судьбы своей не зная.

Всё знает Бог. Он каждое прозрел
Созревшее зерно в своих сусеках.
И все они пойдут на передел —
Он перемелет души человеков.

Свою к ним всепрощения любовь
Он красотой божественной умножит.
Добром удобрит человечью новь.
И высее её на поле Божиим.

Белочка

Ступая бережно и мелко,
Всегда готовая к прыжку,
Гуляла парковая белка
По затвердевшему снежку.

Несла торчком хвост-опахало,
Султаны шерсти на ушах.
Она глазёнками сверкала,
Храбрилась, но природный страх

Не покидал её, милашку.
Она взметнулась на сосну,
К стволу прижалась нараспашку
И стала слушать тишину.

И вот, спустя всего минуту,
Уже медлительный прыжок.
Она, подобно парашюту,
Перелетела на дубок.

И, коготком вцепившись в ветку,
На ней качалась, чтоб потом
С всего размаха прыгнуть метко
В своё дупло, где стол и дом.

Памяти героя Алексея Мозгового

Покину я заплёванный асфальт
И уступлю другим смешное место.
И зябко обо мне сфальшивит альт
Спешащего нетрезвого оркестра.

Но не об этом я хочу сказать,
А лишь о том, что кончатся дороги.
Есть время жить, есть время умирать,
Но нет его, чтоб подвести итоги.

Всё не надёжно в суете сует,
Где все вошли мы в штопор или ступор.
И выйти из него — надежды нет,
Но если повезёт — то полутрупом.

Так надо жить, как не живут сейчас,
Чтоб болью павших трепетало Слово.
Саднит кровищей пролитый Донбасс,
Но живы побратимы Мозгового.

И пусть комбат предательски убит,
В строю поэтов для него есть место.
И в честь его душа моя трубит
Под марш Победы русского оркестра.

Нет, зеркала не лгут

Нет, зеркала не лгут, а лжём себе мы сами,
Что молоды ещё и на подъём легки.
Что старость далека, болезни далеки,
А если что случится, то не с нами.

Печальный день — сегодня я заметил,
Как друг мой постарел, поник, увял.
И в каждой возрастной его примете,
Как в зеркале, себя я, угадал.

И холодок почувствовал под сердцем,
Доселе неизвестный и пугающий озноб,
Что близок край, и некуда мне деться.
И больше предо мной натоптанных нет троп.

Теперь мне каждый миг грозит исчезновеньем
Всего, что было близким, дорогим.
Ведь то, что было телом, голосом, движеньем,
Умом, страстями, горем, наслажденьем —
Исчезнет навсегда, рассеется как дым.

А станет всё ни чем-то, но дырой конечной,
Без времени, где сразу гибнет мысль.
И лишь душе, бессмертной и предвечной,
Откроются, и даль бескрайняя, и высь.

Пёс и матрос

С вьюгой явились и морось, и снег,
А с ними — потёмки и сырость.
Порт стал угрюмым, как человек,
Попавший к судьбе в немилость.

Раньше темнело, светало поздней.
Скукожился день, как моржовая кожа.
Из сумрачных туч на суда и людей
Летела, как дробь, ледяная пороша.

На кромке причала бродячий пёс
Выкусывал лёд из обмёрзшей лапы.
К нему подошёл подгулявший матрос
В фуражке с серебряным «крабом».

— Такая случилась, братишка, беда,
Людьми она смертью зовётся:
Ушёл твой хозяин во тьму навсегда,
К причалу уже никогда не вернётся.

Того, кто тебя за собой таскал,
Зарезали в драке случайной по пьяни.
Топай за мной на торговый причал —
И скоро будешь гулять по Гаване.

Свистнув, во тьму зашагал матрос,
В стылую морось и мокрую выюгу.
Помедлив, за ним потащился пёс,
Горько скуля по погибшему другу.

Время продолжило свой мерный бег,
Даря то худые, то хорошие вести.
С неба сочились морось и снег.
Пел и плясал ресторан в предместье.

Лунный пепел

Лунный пепел осыпал деревья,
Заблистал на воде полосой.
И печными дымами деревня
Закурила в ночи голубой.

На отаве студёные росы.
Веет зябкой прохладой с реки.
Осень, тихая русская осень,
Звёзды так далеки и близки.

Что мне делать с тревогой прощальной
И зовущим предчувствием крыл?
Словно кто-то, живой и печальный,
За собою меня поманил.

И душа ожидает рассвета,
Чтобы вымолвить тихо: «Прощай...»
Есть в страдальческой сути поэта
Дар — предчувствовать времени край.

Я припомню на нём всё былое:
Жизнь, что прожил, не так уж плоха.
Выпил я всё вино молодое
Под нетленное слово стиха.

Что случилось со мной, то случилось.
Мы не ведаем то, что творим.
Я про то, как жилось и любилось,
Без утайки поведал другим.

Пух тополиный

Я в этот день не смог стихи писать.
И взялся перечитывать рассказы,
И сокращая их, и выправляя фразы
Для книжки, чтобы сдать её в печать.

Но вдруг синичка села на балкон,
И принялась вертеться, и насвистывать.
Крепчая, ветер начал перелистывать
Листву на тополе. И пух со всех сторон,

Кружась и прядая, влетел в мой кабинет,
Сначала робко, а затем огромным роем,
На стол и пол прилёг пушистым слоём,
Принарядив их в белоснежный цвет.

Я сразу же решил, что это не случайно,
Что тополь под окном, наслушавшись стихов,
Ответил тем, что мне послал желанный
Привет пушистым роем нежных слов.

Под лепет листьев их полёт упругий
Увлёк меня затейливой игрой.
И был в мельканье тополиной вьюги
Зовущий душу к творчеству настрой.

Пушинок рой кружился в бойком танце.
И всей душой я был в его кругу.
И написал на белом пухе пальцем
Стихотворенья первую строку.

Сом

Лежит на дне речушки сом.
И притворился, что он — дом.
Лежит, прикрыв глаза-окошки.
Вокруг него снуют рыбёшки.
По брюху ползают рачки,
А на усах сидят жучки.

Лежит, открыв широкий рот,
Как для гостей открыл ворота,
Для всех зевак. Любого ждёт,
Кому зайти придёт охота.

А вот и первый гость — налим.
Толпа мальков всплыла за ним
В хайло соминое, не зная,
Что там их ждёт. Клешнёй махая,
Без приглашенья всосан рак,
Ботинок рваный и судак,
И мелочь прочая речная...

Все погостить спешат к сому.
И нет отказа никому.

Мальвы

Печально мальвы отцвели,
Поблѣкли, сморщились, обмякли.
Затем опали и в пыли
Лежат, как клочья ветхой пакли.

И что — пропала красота,
Исчезла, разом испарилась?
Или — нетленна и чиста —
Куда-то к звѣздам возвратилась?

Роднит стихи и мальвы суть —
Что рождены они из света.
Цветы бессмертны, коль живут
В воображении поэта.

Поэт земли своей

В далёкой сельской местности
Поэт земли своей
Живёт в суровой трезвости,
Без денег и друзей.

Сто лет избёнке рубленой.
Ему — полста годов,
Певцу страны, разрубленной
На несколько кусков.

Он слабо верит власти,
И та не про него.
И о буржуйском счастье
Не знает ничего.

Он хочет слышать новости,
Что на Руси родной
Прибавилось и совести,
И доброты людской.

Что богачи всё злато
Свезли на двор Кремля.
Была Москва богата,
А стала — вся земля.

Об этом он напишет
Балладу в двести строк,
Уверовав, что слышит
Его стенанья Бог.

Но нет поэту фарта,
Хоть на кон ставит жизнь.
Инсульты да инфаркты
Беднягу заждались.

В потёмках взвояет «скорая»,
Жена чуть-чуть всплакнёт.
Без славы и позора он
Сойдёт под вечный свод.

Бог и пустота

Всё шире знаний круг
И всё длинней черта
Границы с непроглядной
Тьмой незнания,
Которую не сможет никогда
Рассеять человек,
И тайну мироздания
Раскрыть в её бескрайней полноте —
Мы так и будем вечно на черте.

Но стоит ли об этом,
Друг мой, горевать,
И обвинять себя,
Что ум у нас обычный?
И тайну Бога нам не
Разгадать,
И мы не в силах
Разумом объять
Его воистину
Вселенское величие.

Господь, наверно,
Смотрит на возню
Детей своих,
Чья участь не случайна.
И простирает к ним
Незримо длань свою,
Которая пуста.
И в пустоте вся тайна.

Вода живая

Когда-то и влюблённым, и возлюбленным,
Не ведавшим, что станется со мной,
Я был живым сосудом не пригубленным,
С чистой родниковой водой.

Налита всклень,
Она слегка бугрилась.
И беззаботно шёл я по земле.
Премного ярких зайчиков резвилось
В себя вобравшем солнце хрустале...

Меня под ветром времени шатало.
Я оступался...
Так душа устала
От рьяного невежества толпы.
И все мои надежды расплескала
Жизнь на крутых обочинах судьбы.

Всё, сказанное мной

Всё, сказанное мной, моё и не моё,
Хоть я имею авторское право.
Но если строго посмотреть, то, право,
Есть у меня чужое как своё.

Другими были сказаны давно
Все мои мысли, чувства и надежды.
Как ни ряди их в новые одежды
Словесных кружев, видно всё равно:

И Аввакума слов пылающий огонь.
Заветный перстень Пушкина, гармонь
Есенина, штыки красногвардейцев Блока,
Под предводительством воскреснувшего Бога.
И рать его, сошедшая с икон.

И всё сошлось в моей душе как суть.
И, словно в тигле, в ней перемешалось,
Всё переплавилось, и мне осталось
Перо в расплав волшебный окунуть.

Песня жизни

Вечереет. Желтеют снопами
Окна дома, и пахнет дымком.
Облака набухают снегами,
Словно вымя парным молоком.

Скоро белые струи прольются,
На осеннюю мёрзлую грязь.
Над Россией метели взовьются,
Чтоб отпеть её в тысячный раз.

Что зима завернёт её в саван,
И вморозит на месяцы в лёд.
Так сладка эта песня-отрава,
Что замлеет душа и замрёт.

Но от всплесков метельного плача
Не погаснут надежды огни.
И меня поведёт к ним удача,
Как бывало в минувшие дни,

Я всегда жил и просто, и честно.
О высокой судьбе не мечтал.
Жизнь казалась мне радостной песней,
В ней я счастье и волю искал.

Но они не давались мне в руки,
На мой шаг отступали на шаг...
Прожил жизнь без унынья и скуки
В полный голос и русский размах.

Поэзии венок к 250-летию Карамзина

-1-

История России необъятна.
Она как затонувший материк
Из толщи временной и невозвратной
Лишь иногда нам свой являет лик.

В ней — радость человеческого детства,
И горечь от несбывшихся надежд,
И подвиги, и подлые злодейства,
И наши мненья жалкие невежд.

И мы пред ней, то в ужасе немеем,
То слепнем от сиянья красоты.
И каждого державного злодея
Готовы оправдать и вознести.

И тщимся объяснить себе причины
Распада царств и гибели эпох...
В её бездонной роковой пучине
Сокрыт всех русских промыслов итог.

Все радости земные и все беды,
Исканья правды и дурман идей,
Все смыслы русской жизни, все ответы,
Всё будущее наше скрыто в ней.

Сонм пращуров державных не попустит
Нам позабыть про свой святой исток.
Россия как река вливается всем устьем
В безмерный океан, чьё имя — Бог.

-2-

Печальный русский дворянин,
Почтительно внимавший Канту,
Париж издавший и Берлин,
Знал цену своему таланту.

Он не любил парад и строй,
Полков упругое равненье.
И чувствовал перед собой
Высокое предназначенье.

Россия мощно шла вперёд,
Но было прошлое сокрыто.
Покамест не имел народ
Российский своего Тацита.

Он смело заглянул во тьму
Примеров грозных и печальных,
Бесстрастно пищу дав уму
Для выводов первоначальных.

Когда читал он, не спеша,
Свои рокочущие главы,
Самой Истории душа
Плыла над ним в сиянье славы.

-3-

Век восемнадцатый безбожный,
Паденье нравов и святынь.
И свет масонства мёртвый, ложный
Изведал юный Карамзин.

Попав в объятия Новикова,
Вдохнул мистический туман,
Способный с толку сбить любого,
Но не поддался на обман

Людей учёных, без сомненья,
Но склонных к тайной суете,
Сказав, мол, жаждут просвещенья,
А пребывают в темноте.

Что в нём их дух не обитает,
А тот, что был, давно прокис.
И ум его всегда питает
Обычный русский здравый смысл.

Что он не падок на обновы
И в жизни ценит простоту.
В масонстве видит пустоту,
И в оной духа нет святого.

-4-

Париж жарищею расплавлен.
Гудит Конвент, вскипает спор.
Ещё король не обезглавлен,
Но занесён над ним топор.

И в ожиданье приговора
Пустуют ложи гильотин.
Но о пришествии террора
Догадывался Карамзин.

И пусть французская столица
Шумит, свободою пьяна,
От будущего летописца
Не скрылось, как больна страна.

«Свобода, равенство и братство» —
Слова пустые, мишура.
Когда болеет государство,
То это время топора.

Устои рушатся...
Впервые,
Прозрев грядущие века,
Он угадал судьбу России
Из западного далека.

-5-

История России не погост,
Для русского она живая книга,
Как, спотыкаясь, шёл державный рост
Всего, что есть, от мала до велика.

Он оживил минувших лет течение,
И мысль свою направил в высоту.
Вся от истоков Русь пришла в движение,
Ход набирая, от листа к листу.

И оживала под пером бумага,
Чтоб прошлое не стало мёртвым сном.
Не ведая пристрастия и страха,
Поведал нам историк о былом.

От книги к книге мощь державы крепла.
И озаряя миллионы лиц,
Слова вставали из огня и пепла,
Герои поднимались из гробниц.

История России величава,
Как Божий храм, который Карамзин
Возвёл трудом монашеским один,
Чтоб воссияла русская держава.

-6-

Карамзин был божественной пробы,
С Геродотом размахом сравним.
Указал он дороги и тропы
Россиянам к истокам своим.

И помог им не только бывшее
Обрести, а надеждой горя,
Недостатки державного строя
Он в «Записке...» довёл до царя.

Государь их прочёл и сурово
Начертал на странице ответ:
«На Руси все крамольны обновы,
И они государству во вред».

Годы славные, годы лихие —
Всё на свете имеет свой срок.
И не царь правит грешной Россией,
Ей владеет как вотчиной Бог.

Карамзин был державного роста,
Духом твёрд, но душою раним.
Разговаривать было непросто
Самодержцу российскому с ним.

-7-

Историю страны творит народ
Усилиями сотен поколений.
Но воссоздать её державный взлёт
Способен лишь великий русский гений.

Таким был Карамзин. Ему судьба
Минувшее провидеть даровала.
И музы Клио вечности труба
В его твореньях веще прозвучала.

России славу гений вострубил,
Не отвергая сумрачных преданий.
И предков для потомков воскресил
Во всей красе и мужестве деяний.

Веками сохранялась эта связь...
Но в наши времена растленья духа
С тревогою они глядят на нас,
Чьим делом стали смута и разруха.

Не дотянуться нам ни в чём до них,
Не чтим мы предков мудрые заветы.
Нас обуял отступничества стих:
Оболганы великие победы,

И музы Клио вечности труба
Безмолвствует, коль гласа нет народа.
России поколеблена судьба,
И торжествует пошлая свобода.

-8-

Он память дал всем русским людям,
Но так беспамятен наш век,
Что долго труд его под спудом
В хранилищах библиотек
Лежал, сокрытый от потомков,
В подвальных сумрачных потёмках.

Он обвинён был веком новым
В пособничестве крепостникам.
Но арестованное слово
Из полутьмы светило нам.

И глубина времён державы
Нам открывалась в блеске славы.

Всё было в прошлом, но основа
России правдой скреплена.
И до сих пор не меркнет Слово
Историка Карамзина.

-9-

Листвы опадающей трепет.
И клик журавлей на лету.
Минувшего шелест и лепет
Слышны в Карамзинском саду.

Здесь русское прошлое живо
Со мной обо всём говорит.
И муза истории Клио
Над глыбой гранита парит,

Читая России скрижали
Понятным простым языком,
Про то, что нашли, потеряли
Мы все на пути роковом.

Начала сокрыты во мраке,
И знают о них лишь одни
Созвездий сияющих знаки,
Болот колдовские огни,

Да ворон, угрюмо молчащий
На древнем могучем дубу.
И лешие в сумрачной чаше
Пророчат России судьбу.

Ещё не рассеялся морок
Преданий, когда Карамзин,
Бесстрашный поэт и историк,
Решился дойти глубин,

Из коих возшло государство,
И крепи его, и столпы —
До гибели Русского царства
От Смуты и козней судьбы.

До горькой кручины народной —
Паденья державных стропил
Довёл он свой труд благородный
И в Боге смиренно почил.

Листвы опадающей трепет.
И клик журавлей на лету.
Минувшего шелест и лепет
Слышны в Карамзинском саду.

Судьба поэта

Судьба поэта — быть судьёй себе.
Всегда во всём, без устали, всечасно
Судить свой труд безжалостно, пристрастно,
Пред тем, как отдавать его толпе.

От выстраданных строк не отступить ни разу.
Хранить как талисман волшебный жар души,
Чтоб не угасли человечесий разум
И правда Божия в пустых потёмках лжи.

Не ждать любви народной, и надежды
На правый суд потомков не иметь.
Самим собою быть, не угождать невежде,
Равно ценить и похвалу, и плеть.

Знать цену слову и краюшке хлеба.
И, следуя всегда велению судьбы,
До края жизни, что стремится в небо,
Не отступить от пушкинской тропы.

Содержание

Предназначение русского Поэта	5
Немота.....	12
«Опять пришла весна в Поволжье...»	13
Надежда	14
Мы с вами разошлись на тридцать лет.....	16
Гамлет	17
Играла музыка в саду	18
Калита.....	20
Загадка	22
Когда Господь.....	23
Чужое горе так прилипчиво	24
Иртыш	26
Сырыми пахло неводами	28
Прощание с плащом.....	30
Сурки и орлан	32
Беглец.....	34
Пристань	36
Грибы.....	38
Послание Юрию Говорову.....	42
Петру Ищенко	43
Веснянка	44
Ведь всё так просто	46
Апрель.....	48
Светлане Замловой.....	50
Мировой театр.....	51
Свидетельствую	52
Обская губа	54
Традиция	55
Портрет.....	56

Так есть она, иль нет Европы?	58
Петровки	60
Нет, я не одинок	62
Песня бомжа	64
Вы — это я	66
Проклятье князя Святослава.....	68
Как хорошо, что жизнь прошла	70
И в одночасье всё сожгли	72
Пионы	74
Ночь.....	76
Мечта поэта	78
Цветы полей	79
Голос крови.....	80
Александр Блок.....	81
О русском языке заговорили.....	82
Все формы и все смыслы бытия	83
В России рядом и жара, и холод	84
Над курганом в Диком поле	86
Много было всего	88
Улыбка смертного	89
В гости к ёжикам	90
Русский лес	92
Чёрная смерть	94
Белеет парус.....	96
Степь да степь	97
Что там горит окном?	99
В саду осеннем	100
Вы для меня, как были невидимкой.....	101
Соловей.....	102
Есть у меня миниатюрный томик	103
Была у народа мечта	104

Оса	105
Почуяв в душе непогоду	106
Чуть-чуть	107
А Русь всё так же	108
Поле Божие	110
Белочка	111
Памяти героя Алексея Мозгового	112
Нет, зеркала не лгут	113
Пёс и матрос.....	114
Лунный пепел.....	116
Пух тополиный.....	118
Сом	120
Мальвы.....	121
Поэт земли своей.....	122
Бог и пустота	124
Вода живая	126
Всё, сказанное мной.....	127
Песня жизни.....	128
Поэзии венок к 250-летию Карамзина	130
Судьба поэта	140

Полотнянко Николай Алексеевич

**Как хорошо,
что жизнь прошла**

Стихотворения

В авторской редакции.
Компьютерный набор *Л.И. Полотнянко*.

Подписано в печать 26.01.17.
Формат 70x100 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 5,44. Заказ №17/014.

Тираж 300 экз.

Отпечатано с оригинал-макета Заказчика
в издательско-полиграфическом центре «Гарт»
ИП Качалин А.В.
432042, г. Ульяновск, ул. Рябикова, 4.